

В. Ф. Петренко¹

ОТ ИДЕОЛОГИИ И РЕЛИГИИ К МИРОВОЗЗРЕНИЮ ВСЕДИНСТВА

«Можно пережить любое “как”, если знаешь “зачем”», писал Ф. Ницше. «Устойчивость личности обеспечивается наличием дальних мотиваций», — говорила нам в университете на лекциях по патопсихологии Б. В. Зейгарник — талантливая ученица всемирно известного психолога К. Левина. Разделяемый большинством населения образ «потребного будущего» (термин Н. А. Бернштейна), наличие некоей национальной идеи — необходимые компоненты любого развивающегося общества. В качестве таковых можно привести пример «американской мечты» или столь искомой и столь же неуловимой «русской идеи». Аналогично тому, как на уровне физиологии мозга генерирующие ритмы (измеряемые с помощью электроэнцефалографа альфа-, бета- и гамма-ритмы) синхронизируют совместную работу нейронов, наличие общепринятых ценностей и неких канонических текстов (в первую очередь религиозных, но, возможно, и идеологических типа коммунистических, национал-социалистических, чужих или либертарианских) синхронизирует активность людей, дает обществу дальние мотивы и цели. В течение XX века в России как минимум дважды менялся политический строй, тип экономической формации и, соответственно, государственная идеология (термин Д. де Траси, возрожденный К. Марксом и Ф. Энгельсом²). Последняя удивительным образом трансформировалась, сохраняя некие базисные инварианты при внешней несхожести ее форм при разных режимах.

¹ Заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики МГУ им. М. В. Ломоносова, заведующий лабораторией когнитивных исследований Института системного анализа Российской академии наук, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор. Главный редактор журнала «Методология и история психологии». Автор более 320 научных публикаций, в т. ч. книг: «Введение в экспериментальную психологию: исследование форм репрезентации в обыденном сознании», «Психосемантика сознания», «Лекции по психосемантике», «Основы психосемантики», «Многомерное сознание: психосемантическая парадигма» и др. Член редакционных коллегий журналов: «Психологический журнал», «Общественные науки и современность», «Консультативная психология и психотерапия». Член Российского психологического общества. Лауреат премии им. С. Л. Рубинштейна Президиума РАН.

² Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. М., 1933.

Начиная с 1990 года мы³ с помощью аппарата психосемантики и построения семантических пространств, репертуарных решеток (термин Дж. Келли⁴) и кластерных структур политических партий проводили мониторинг политического сознания российских граждан. В качестве дескрипторов для построения семантического пространства использовались: 1) выдержки из выступлений лидеров политических партий по самым разным политическим проблемам, актуальным на то время; 2) фрагменты программ политических партий, 3) цитаты из Всеобщей декларации прав человека, из конституции А. Д. Сахарова и т. п. Респондентов, в роли которых выступало руководство политических партий, мы просили высказать согласие или несогласие с предложенными фрагментами тестов. Полученные матрицы данных подвергались процедуре факторного и кластерного анализа. В построенном нами накануне распада Советского Союза семантическом пространстве ведущим фактором, задающим противопоставление политических партий, оказался фактор децентрализации Союза (разделяемый демократами) в форме конфедерации республик или независимых государств (обладающих своей армией, финансовой системой и прочими атрибутами самостоятельных государств) на одном полюсе фактора в оппозиции полюсу централизованного Советского Союза (для прокоммунистических партий) или Единой православной монархии (для национал-патриотов). Напряжение по этому ведущему фактору и привело в итоге в 1991 году к распаду СССР.

В контексте проблематики настоящей статьи особо интересным оказался второй (по вкладу в общую дисперсию) фактор, задающий противопоставление политических партий по отношению к коммунистической идеологии. На одном полюсе этого фактора находились ее сторонники — ортодоксальные коммунисты, а на другом — демократы и национал-патриоты, счи-

³ Петренко В. Ф., Митина О. В. *Психосемантический анализ динамики общественного сознания*. М., 1997.

⁴ Келли Дж. *Теория личности. Психология личностных конструкций*. СПб., 2000.

тавшие (каждый в рамках своей логики) ее неприемлемой. Оппозицию коммунистической идеологии составляли требования возрождения религии (предоставления ей места в образовании, массовых коммуникациях, возврат культовых сооружений в собственность религиозных организаций и т. п.). Таким образом, демократы ельцинской эпохи не смогли или не успели выдвинуть собственную идеологию, противопоставленную коммунистической.

Идеология личного обогащения и успеха, де-факто принятая элитой, не могла стать «русской идеей», будучи принципиально неприемлемой для большей части населения в силу общинной, уравнилельной идеологии, доминировавшей более 70 лет в Советском Союзе, а также из-за низкой социальной мобильности населения и трудности подъема по социальной лестнице. Экономическую выгоду от смены режима имели в первую очередь представители старой (советской) элиты, их дети и обслуживающие их (и собственные интересы) силовые структуры, конвертировавшие власть в экономическое и политическое преуспевание. Единственной реальной идеологией, имеющей мощные корни в истории, культуре и системе ценностей России, оказалась религия, вернее, четыре признанные государством религиозные конфессии: христианство, ислам, буддизм и иудаизм, при общем доминировании православия, де-факто возведенного в статус государственной религии (при никем не отмененном конституционном принципе отделения церкви от государства). «Все вернулось на круги своя», и выдвинутый министром просвещения графом Уваровым во времена Николая I лозунг «Самодержавие, Православие, Народность» оказался опять современным.

Религия, помимо мощной психотерапевтической функции, примиряющей человека с ограниченностью его пребывания в этом мире, помимо смыслообразующей функции¹, представляет собой объединяющее начало, интегрирующее людей в социуме. Принцип «несть ни эллина, ни иудея» присущ в той или иной форме всем мировым религиям. Возникновение огромных империй совпало по времени и было следствием появления мировых религий в так называемое «осевое время» (термин К. Ясперса²). Но, выступая камертоном, по которому настраиваются социальные и индивидуальные смыслы человеческого бытия, религия в ситуации многоконфессионального государства становится фактором противопоставления «мы» и «они». Мы — верующие в истинного Бога, а они — иноверцы, безбожники, идолопоклонники, неверные, религиозно нечистые и т. д. Более того, мне приходилось слышать, например, от православного священника перечисление «эти сатанисты, гомосексуалисты, буддисты». Как говорится, комментарии излишни. В то же время, на мой взгляд, большой ошибкой государства было разрешение создавать международные медресе, финансируемые из-за рубежа и пропагандирующие фундаменталистские течения ислама в северокавказских республиках, где до этого традиционно придерживались ислама суфийского толка.

¹ Вспомним у Достоевского: «Если Бога нет, то все дозволено» и «если Бога нет, то какой же я после этого капитан?»

² Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.

Религиозное противопоставление рождает нетерпимость, а она ведет к фанатизму, фундаментализму, порождает агрессию. Противопоставление по религиозному принципу нарушает национальную идентичность, понимаемую не в плане этническом или религиозном, а как идентичность на основе осознания своего согражданства с другими людьми в рамках одного государства, с единством общей истории, культуры и языка. Это, впрочем, не исключает «единства в многообразии» этнических культур и национальных языков в дополнении к общенациональному. Известно, что в условиях Советского Союза успешно проводилась национальная политика поддержки культуры малых народов — наличие государственного финансирования и высокопрофессионального штата переводчиков (о чем говорил на прошлых Лихачевских чтениях Д. Гранин) обеспечивало интеграцию культуры малых народов в общесоюзное и общемировое культурное пространство.

Снятие напряжения, вызванного религиозным противопоставлением, возможно на основе давным-давно выработанного понимания: «Бог один, но у него (в разных культурах) разные имена». Реализация этого принципа ведет к экуменизму, и по этому пути пошла, например, Всемирная церковь в США. В России экуменизм, к сожалению, не пользуется поддержкой, и к нему настороженно относится РПЦ. Снятие же религиозной нетерпимости («эгоцентризма» в терминах всемирно известного психолога Ж. Пиаже) связано со способностью встать на позицию другого, увидеть мир «его глазами».

Несколько лет назад я был участником конгресса на тему «Психология и духовность», который проводился в столице Индии Дели. Там были ученые из разных стран мира, духовные учителя из Индии, ламы из Тибета, протестантские и католические пасторы, мусульманские религиозные лидеры. Утро перед началом конгресса для всех желающих начиналось с упражнений його, пения индуистских гимнов (для активации энергетических чакр), иногда за ними под звуки национальных музыкальных инструментов следовали мусульманские песнопения, и, наконец, шло погружение в себя и буддийская медитация. Нелишне отметить и совместные вегетарианские трапезы, где собравшиеся группировались вокруг того или иного стола по интересам к той или иной тематике конгресса. В культурную программу входило знакомство с искусством тех стран, которые прислали на него своих представителей, но, естественно, большинство музыкальных и танцевальных ансамблей, потрясших нас свободой импровизации, были местные индийские. В ходе научных дискуссий и многочисленных круглых столов я задал вопрос одному из организаторов конгресса, индийскому гуру: «Как Вы думаете, существует множество духовных вершин или же одна (единый Бог, имеющий в разных культурах разные имена), к которой взбираются с разных сторон разные народы, создавая разные религии?» Подумав, он ответил, что, по его мнению, вершин множество и не все обладают дао (истинным путем).

Дао — понятие даосизма, китайской религиозной философии, и такое свободное владение индуистом по-

нятиями другой религии свидетельствует о взаимопроникновении различных мировоззрений, о многомерности сознания современного человека, о толерантности и поликультуральности думающего человека, занятого богоискательством. Глобализм в современном мире существует не только в экономике, но и в менталитете современных землян.

В своем пилотажном исследовании¹ мы строили кросс-конфессиональное семантическое пространство для мировых религий и ряда наиболее повлиявших на мировую историю идеологий: коммунизма, национал-социализма и либерализма. В качестве дескрипторов для построения семантического пространства брались изречения из канонических религиозных текстов (Ветхого и Нового Заветов, Корана, буддийской Дхаммапы и т. п.). Помимо религиозных текстов использовались фрагменты высказываний, отражающие позиции указанных выше идеологий. На наш взгляд, их можно рассматривать как своеобразные квазирелигии (по крайней мере коммунизм и национал-социализм). Респонденты — люди с высшим образованием и научными степенями, интересующиеся религиозной тематикой, — оценивали по градуальной шкале соответствие предложенных им ценностных суждений позициям мировых религий и указанных идеологий. Иначе говоря, оценивали данные суждения с позиций православного, католика, мусульманина, буддиста, иудея, коммуниста, либерала и национал-социалиста. Полученные матрицы данных так же, как и в наших социально-политических исследованиях, подвергались процедуре факторного и кластерного анализа.

В ходе пилотажного исследования было выделено четыре базисных фактора, объясняющих сходство и различие мировых религий и идеологий. Первый фактор противопоставлял религии, отрицающие возможность насилия («не убий»), и идеологии, полагающие, что «цель оправдывает средства». Второй фактор противопоставлял религии и идеологии, требующие от человека ограничения своих страстей и желаний, обыденному мировосприятию человека, живущего ради собственного удовольствия и не желающего ограничивать свои желания и прихоти. Третий фактор противопоставлял религии «жесткой нормативности» (иудаизм и ислам) религиям, допускающим возможность нарушения религиозных запретов, исходя из любви и сострадания (христианство, буддизм). Четвертый фактор определял отношение человека к миру, трактуемому как иллюзорность (буддизм, индуизм), в оппозиции к требованию включенности в жизненную активность (ислам, протестантизм).

Проводимое нами в настоящее время исследование призвано, в частности, расширить набор суждений и увеличить размерность (число факторов) кросс-конфессионального семантического пространства. Обращение к населению (электорату) России с просьбой быть респондентами наших опросов позволит проеци-

ровать позиции населения на кросс-конфессиональное семантическое пространство. Для конкретного человека по мере близости его позиции к позиции той или иной религии или идеологии можно определить характер его идентичности. Например, к чему ближе ценностные установки конкретного жителя, скажем, Казани: к ментальности мусульманина, христианина, коммуниста или либерала. (Примечание: поскольку данная методика обращена к сознанию респондента, использовать ее для контроля со стороны «Большого Брата» (Дж. Оруэлл) представляется малоперспективным.) Данная психосемантическая методика может быть использована, например, для определения реального количества верующих той или иной конфессии, поскольку отождествление этнической и религиозной принадлежности человека является методологически некорректным, особенно в наш век глобализации и взаимопроникновения культур.

Одной из особенностей современной эпохи, на мой взгляд, является происходящая конвергенция позиций науки и религии. Так, рядом протестантских теологов описанное в Ветхом Завете Сотворение мира за семь дней интерпретируется как метафора длительных эпох становления. От Большого взрыва — момента образования нашей Вселенной — до дня сегодняшнего, по мнению современных астрофизиков, прошло не менее 14 млрд лет. Земля как космический объект существует не менее 5–6 млрд лет, а жизнь на земле возникла 3–4 млрд лет назад. Если перефразировать слова Ш. де Костера, можно сказать: «Пепел потухших звезд стучит в наши сердца». Действительно, тяжелые элементы периодической таблицы (например металлы) возникают только при коллапсе (взрыве) сверхновых звезд, когда, выгорая, они сокращаются до гораздо меньших объемов, тем самым создавая чудовищную температуру и давление. Солнечная система вобрала в себя пепел этих погасших первичных звезд, а в нашем организме содержится, в частности, железо как компонент гемоглобина.

Мы — дети космоса, наша эволюция — звено в «глобальной эволюции» (или Big History)². При этом, согласно вертикали Снукса–Панова³, показавшей экспоненциальный характер динамики земной эволюции (на геофизическом, биологическом и социальном материале), в настоящее время наша цивилизация подошла к моменту исторической сингулярности, к своеобразной «точке бифуркации», когда она либо исчезнет, либо примет иную, возможно, нематериальную форму. «Великое молчание» Космоса, по-видимому, может объясняться обеими возможностями. Дойдя до определенного уровня развития, цивилизация либо уничтожает саму себя, например, захлебнувшись в отходах собственного производства, либо переходит в какую-то другую форму. Так, великий космический мыслитель К. Э. Циолковский предположил, что человечество перейдет в будущем в форму лучистой энергии. Интеграция космических цивилизаций, превзошедших матери-

¹ Петренко В. Ф., Ярцева А. И. Кроссконфессиональное исследование религиозной картины мира в контексте борьбы с терроризмом // Вестник РАН. 2005. № 2. В настоящее время мы проводим исследование при поддержке РФФИ (грант № 11-06-12023-офи-м), где, в отличие от пилотажного, в роли респондентов выступают носители культа.

² См.: Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории (Синергетика–психология–прогнозирование). М., 2004.

³ См.: Панов А. Д. Универсальная эволюция и проблема поиска внеземного разума. М., 2008.

альный уровень, образует «Космическое сознание» или «Интегральный разум». В этом плане контакт с космическими братьями по разуму следует искать не по проявлениям артефактов материальной культуры, а скорее в медитативных практиках нашего сознания, в глубинах нашего собственного бессознательного.

В любом случае можно ожидать появления некоей интегральной этики, вбирающей в себя общечеловеческие ценности¹, а может быть, и гипотетические ценности космических цивилизаций, духовные практики, выработанные мировыми религиями, достижения науки, стоящей на целостных (холистских) позициях. Человечество последовательно переходит от эгоцентризма индивидуального бытия к мироощущению Всеедин-

ства (о котором писал В. С. Соловьев²), к ощущению единства со всеми живыми существами, состраданию к ним (о чем проповедовал Будда), к религии любви (которую исповедует Христос), к признанию принципа кармической причинности (индуизм). Мироощущение Всеединства находит свое подтверждение в науке, в частности, в верификации парадокса Эйнштейна–Подольского–Розена, отменяющего принцип локальности и доказывающего взаимосвязь и единство всего сущего, в представлении о роли сознания³ в редукции волновой функции и в переходе от возможного к реальному. Взаимосвязи человека и космоса посвящена, в частности, наша статья⁴, в которой обсуждается взаимосвязь физической и психической реальности.

¹ См.: Гусейнов А. А. Великие моралисты. М., 1995.

² Соловьев В. С. Сочинения : в 2 т. М., 1989.

³ Менский М. Б. Человек и квантовый мир. Фрязино, 2007.

⁴ Петренко В. Ф., Супрун А. П. Сознание и реальность в западной и восточной традиции // Труды ИСА РАН. 2011. Т. 61, № 3.